

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

И.Г. Троицкий

**Психологические и исторические
условия сохранения Священного
Предания у древних евреев**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1885. № 3-4. С. 360-379.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА

Санкт-Петербург

2010

Психологіческія и історическія умови збереження священ- ного предання у древніхъ євреевъ.

Ни одно событие въ жизни человѣка не проходитъ безслѣдно для его сознанія, а оставляетъ послѣ себя болѣе или менѣе глубокій отпечатокъ. Память каждого человѣка хранить массу такихъ отпечатковъ подъ формою воспоміятій и представлений, которые составляютъ постоянное сокровище человѣческаго духа и воспроизводятся въ его сознаніи при благопріятныхъ условіяхъ. Эта психологический законъ имѣетъ свое значеніе не только относительно отдѣльного человѣка, а также относительно общества лицъ и даже цѣлаго народа. И здѣсь всякое событие въ народной жизни оставляетъ послѣ себя болѣе или менѣе глубокій отпечатокъ въ народномъ сознаніи, иными словами, запоминается народомъ съ большей или меньшей прочностью. Отъ характера события, его связи съ сущностю народнаго типа и вліянія на народную жизнь съ одной стороны, отъ степени впечатлительности современниковъ, очевидцевъ его съ другой — зависитъ степень ясности и отчетливости отображенія его въ народной памяти. Зеркало пародной души яснѣе отражаетъ въ себѣ наиболѣе важныя события исторической жизни. Чѣмъ шире самосознаніе народа, чѣмъ богаче содержаніе его исторической жизни, тѣмъ разнообразнѣе и богаче его историческая воспоминанія. Эти воспоминанія составляютъ самое драгоцѣнное сокровище въ жизни народа: они возносятъ его духъ къ созерцанію

историческихъ цѣлей и идеаловъ и составляютъ въ его жизни направляющее и воодушевляющее начало. Какъ таковыя, они глубоко живутъ въ народной памяти и воспроизводятся въ сознаніи народа въ извѣстные моменты его жизни. Бываютъ, правда, въ нихъ нѣкоторыя наслоенія и поврежденія, но они никогда не касаются самой сущности этихъ воспоминаній: послѣдняя всегда неизмѣнна. Точно также детали событий иногда исчезаютъ изъ народной памяти, но общій образъ ихъ твердо хранится въ ней. Такіе образы пережитыхъ народомъ событий соединяются въ сознаніи его въ одну перспективу, въ которой отражается все прошлое народа. Эта перспектива составляетъ живую и вѣрную исторію народа и пронадаетъ только со смертію его или съ измѣной своему историческому прошлому. Въ подтвержденіе своихъ общихъ разсужденій, мы можемъ указать на нашу русскую исторію. Прочно и глубоко лежитъ она въ сознаніи русского народа. Ни одно важное событие, ни одна крупная историческая личность не прошли незамѣченными народнымъ сознаніемъ. Рассказы о народныхъ герояхъ и печальникахъ земли русской, народномъ горѣ и счастьѣ передаются изъ рода въ родъ, отъ родителей къ дѣтямъ и твердо хранятся потомствомъ. Пойдите вы въ народную среду, здѣсь еще и теперь встрѣтите рассказы о Владиміре красномъ солнышкѣ, Ярославѣ Мудромъ, татарахъ и Дмитріи Донскомъ, Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, самозванцахъ и самозванческихъ смутахъ, Алексѣѣ Михайловичѣ и Никонѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ, Еронѣ, Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Александрѣ Благословленномъ и Наполеонѣ. О событияхъ почти современныхъ намъ, какъ напримѣръ при Николаѣ I и Александрѣ II, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Кромѣ разсказовъ о событияхъ и герояхъ, имѣвшихъ отношеніе ко всей русской землѣ, въ отдельныхъ мѣстностяхъ Россіи можно встрѣтить разсказы о событияхъ, касавшихся того или другаго края. Въ Малороссіи вы встрѣтите разсказы о казакахъ, шляхѣтѣ польской, войнахъ съ турками и Польшей. Въ Новгородѣ—о его торговлѣ и когда-то цвѣтущемъ состояніи, разсказы

объ Антонія римлянинѣ, епископѣ св. Іоаннѣ, Мстиславѣ Удаломъ, св. Александрѣ Невскомъ, паденіи и погромѣ Новгорода. Пойдите въ Соловецкій монастырь, здѣсь встрѣтите разсказы объ основателяхъ этой обители, о милостяхъ къ ней царей русскихъ, о Филиппѣ, впослѣдствіи митрополитѣ московскомъ, о бунтѣ при Алексѣ Михайловичѣ и проч. Зайдите въ скиты раскольниковъ, вы найдете разсказчиковъ, которые передадутъ вамъ всю исторію раскола. Спуститесь въ приволжскія губерніи, здѣсь найдете еще живыя воспоминанія о Степанѣ Разинѣ, Емельянѣ Пугачевѣ и проч. Такія воспоминанія, хранящіяся въ народѣ, съ одной стороны служать важнымъ источникомъ для исторической науки, а съ другой—составляютъ критерій для оцѣнки выводовъ ея. Скорѣе можно обмануть общество ученыхъ, склонить его къ принятію того или иного сужденія, чѣмъ обмануть народное чувство, которое есть строгій и неподкупный судья историческихъ лицъ и событий. Этотъ законъ сохраненія преданія примѣнимъ болѣе или менѣе ко всякой исторической націи, но въ сугубой степени—къ евреямъ. Едва ли можно указать какой либо народѣ, у которого историческая преданія восходили бы въ такую даль и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились бы съ такой подробностью и въ такой чистотѣ, какъ у древнихъ евреевъ. Прочному сохраненію преданія среди этой націи благопріятствовали прежде всего психологическая особенности, отличающія евреевъ, какъ семитовъ, особенное значеніе въ ихъ жизни исторического преданія и небольшая сфера распространенія его. Замѣчено, что все вообще восточные люди имѣютъ хорошую память, а евреи въ особенности. Чѣмъ это объясняется, сказать трудно. По всему вѣроятію, здѣсь имѣеть главное значеніе впечатлительность и крѣпость нервной системы, хорошо известныя всякому, сколько нибудь знакомому съ евреями, и преобладаніе въ духовной жизни восточныхъ людей преимущественно интуитивной стороны, которая необходимо вырабатываетъ очень длиный и крѣпкій рядъ самыхъ разнообразныхъ представлений и понятій. Память евреевъ и вообще семитовъ поразительна. Еврейскіе ученые пер-

выхъ вѣковъ по Р. Хр. знали наизусть всю литературу преданія: такъ какъ мишина, всѣ многочисленныя прибавленія къ ней и весь обширный талмудъ были записаны весьма долго спустя послѣ того, какъ образовалось ихъ содержаніе. До этого же времени все выучивалось и читалось съ учениками наизусть. Евреи считали даже предосудительнымъ записывать слова своихъ учителей, во избѣженіе искаженія написаннаго. Между арабами были лица, зпавшія наизусть болѣе 20,000 стиховъ, которыхъ притомъ всегда могли назвать, хотя и не всегда, конечно, вѣрно, автора каждого стиха и племя, къ которому онъ принадлежалъ, а равно и передававшихъ эти стихи. Между ними же были учителя преданій—мухаммеды, зпавшіе наизусть до 20,000 такихъ преданій и притомъ испайдъ каждого изъ нихъ, т. е. всю цѣнь лицъ, передававшихъ это преданіе, начиная съ современниковъ и до Магомета. Были генеалоги, зпавшіе генеалогію множества арабскихъ племенъ и перечислявшіе, такъ сказать, по пальцамъ генеалогію сотни родовъ¹⁾. Сравнительно съ такою памятью, память Кира и Цезаря, зпавшихъ поименно всѣхъ своихъ солдатъ, или память Маглабекки, зпавшаго содержаніе книгъ всей обширной флорентійской библіотеки, кажется неудивительною. Можно думать, что память древнѣйшихъ евреевъ была гораздо крѣпче, сравнительно съ памятью евреевъ, жившихъ около Р. Христова, такъ какъ въ ту отдаленную эпоху письмо еще не было въ большомъ употребленіи и вообще былъ большой недостатокъ въ искусственной мнемоникѣ, а поэтому все требовалось запоминать точно и подробно, такъ какъ плохое запоминаніе дурно отражалось на общественныхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе родового политического устройства, всякий еврей считался принадлежащимъ къ еврейскому обществу, къ избранному народу Божію, лишь въ томъ случаѣ, когда онъ указывалъ свой родъ въ

¹⁾ См. у Д. А. Хвольсона. Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ переводовъ его, по отношенію, ихъ къ подлиннику и между собою. Христ. Чтеніе, 1874, апр., 534—535.

общей родословной еврейского народа. Притомъ у евреевъ заслуги предковъ вмѣнялись ихъ потомкамъ, и происхожденіе отъ знатныхъ предковъ цѣнилось очень высоко. Поэтому всякий еврей долженъ былъ твердо помнить свою родословную, а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и общія еврейскія народныя преданія. Но помимо национального и чисто государственного интереса, историческія воспоминанія евреевъ имѣли для нихъ также религіозное, священное значеніе. Многіе народы свое происхожденіе считаютъ божественнымъ и своихъ родоначальниковъ стараются производить отъ боговъ: поэтому начальныя историческія воспоминанія такихъ народовъ имѣютъ для нихъ также религіозное значеніе. Но въ исторіи другихъ народовъ лишь первую эпоху можно назвать чисто теологической, и лишь въ эту эпоху не бываетъ различія между религіознымъ и государственнымъ элементами. Послѣ нея эти элементы необходимо разъединяются. Представителями религіи и ея интересовъ являются жрецы, которые неизрѣдно консерваторы и всегда защитники первичныхъ миѳологическихъ преданій. Жизнь народа вѣкъ жреческаго сословія совершается сообразно съ иными цѣлями и интересами, не проникаясь духомъ религіи, послѣдняя ограничивается часто лишь одними обрядами. Такое различіе переходитъ иногда даже въ противорѣчіе между интересами религіозными и государственными,—то, что на современномъ языкѣ называется секуляризацией церкви отъ государства. Само собой понятно, что при этомъ религія имѣть свою исторію и своихъ представителей, а государство своихъ, и при этомъ совершенно отдѣльныхъ и часто даже взаимно враждебныхъ. Само собой также понятно, что такой народъ, достигнувъ высокой степени государственного развитія, интересуется больше государственной исторіей и героями, и мало вниманія обращаетъ на область религіозную, такъ что воспоминанія изъ этой области иногда исчезаютъ изъ народной памяти. И самые религіозные миѳы и обряды иногда замѣняются новыми, какъ это было съ татарами, римлянами, германцами, славянами и друг. Совсѣмъ не то у евреевъ. У нихъ въ продолженіе всей ихъ исторіи религіозные интересы не

отдѣлялись отъ государственныхъ, и преступленіе противъ Боговъ считалось преступленіемъ противъ величества, а посему наказывалось смертною казнью. Всѣ государственные и гражданскіе законы имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе законовъ религіозныхъ, и на оборотъ, религіозные законы были вмѣстѣ съ тѣмъ и государственными. При этомъ какъ религіозный, такъ и государственный строй своими корнями полагались въ исторіи, здѣсь находили свой смыслъ и оправданіе, такъ что каждое явленіе въ религіозной и государственной жизни для своего пониманія заставляло еврея переноситься мыслю въ историческое прошлое. Всѣ различныя предписанія, регулировавшія жизнь евреевъ, были символикой ихъ исторіи. Смотрѣлъ-ли еврей на какой либо религіозный обрядъ, онъ напоминаль ему извѣстный эпизодъ изъ его исторіи. И съ другой стороны, вспоминаль-ли еврей какое либо событие изъ исторіи, оно освѣщало въ его сознаніи то или иное изъ настоящихъ отношеній. Такимъ образомъ жизнь евреевъ была весьма тѣсно связана съ ихъ исторіей, и послѣдняя, благодаря органической связи между религіознымъ и государственнымъ элементами въ еврейскомъ теократическомъ государствѣ, представлялась сознанію евреевъ въ видѣ цѣльнаго нераздѣльного образа. Отсюда понятно, какъ долженъ быть дорожить еврей своими историческими воспоминаніями и какъ прочно они должны были корениться въ его сознаніи. Въ прошломъ еврей находилъ смыслъ и идеалы своей націи, а также основы своей государственной и религіозной жизни. Сюда уносился онъ въ минуты несчастій, здѣсь искалъ утѣхи и наставления, и отсюда брали примеры для государственныхъ и духовныхъ доблестей. Посему живо и ясно помнилъ онъ это прошлое и за свои историческія преданія готовъ былъ жертвовать благоденствіемъ. Небольшой районъ, который занимали древніе евреи, не мало благопріятствовалъ сохраненію преданія въ точномъ видѣ. Тамъ, гдѣ извѣстный народъ занимаетъ большую территорію, гораздо больше опасности для цѣльности и однообразія историческихъ воспоминаній, что совершенно понятно при различіи образа жизни, занятій,

интересовъ, развитія и чужеземныхъ вліяній, всегда неодинаковыхъ въ разныхъ областяхъ territorіи. И дѣйствительно, сравнив историческія воспоминанія Великороссіи и Малороссіи, вы уже найдете значительное различіе. Найдете различіе, если сравнив историческія воспоминанія даже различныхъ губерній одной и той же Великороссіи. Но вы уже не найдете такого различія въ историческихъ преданіяхъ какой либо страны, занимающей небольшую территорію, какъ напр. Сербія или Черногорія. Та часть еврейскаго народа, которая была преимущественной хранительницей еврейскаго преданія и среди которой послѣднее было обработано и записано, занимала весьма небольшую территорію, немного болѣе современной Черногоріи. Естественно, здѣсь не могло явиться разнообразія и поврежденія въ преданіяхъ.

Кромѣ указанныхъ условій, сохраненію у евреевъ преданія въполномъ и не поврежденномъ видѣ способствовали также: словесныя произведенія, вращавшіяся среди народа и различные вицѣшніе памятники. Къ первому разряду слѣдуетъ отнести: собственныя имена, прозвища, пословицы, притчи, цѣсни и рѣчи знаменитыхъ въ исторіи лицъ. Собственные имена у всѣхъ народовъ служатъ какъ бы ядромъ для образованія и сохраненія преданія. Очень часто въ этихъ именахъ весьма рельефно отражается характеръ извѣстнаго исторического лица, событія или даже цѣлаго ряда событій. Скажите вы русскому человѣку имя „Иванъ Грозный“, и у него по ассоціаціи сейчасъ же воспроизводится представленіе о характерѣ этого царя и той эпохи, въ которую онъ жилъ. Или скажите имена: „Петръ Великій“, „Александръ Благословенный“, „Суворовъ Рымникскій“, „Кутузовъ Смоленскій“ и проч., у всякаго русскаго возбудите въ сознаніи представленіе о дѣятельности и событіяхъ, прославившихъ этихъ личностей. Точно также у кого изъ русскихъ съ именами: „Куликово“ или „Бородинское поле“ не связывается представленіе о тѣхъ великихъ событіяхъ, свидѣтельницами и мѣстомъ совершенія которыхъ были эти мѣстности. Вообще собственные имена и прозвища служатъ одной изъ прочныхъ анти-

целцій для сохраненія историческихъ преданій у всѣхъ народовъ. Особенно же слѣдуетъ сказать это о собственныхъ именахъ у евреевъ. Если имена нарицательныя отличаются здѣсь большей пластичностью и служить весьма живымъ отображеніемъ какъ психологическихъ особенностей говорящихъ, такъ и свойствъ самыхъ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе говорящаго субъекта: то тѣмъ болѣе должно сказать это объ именахъ собственныхъ. Своимъ значеніемъ они указывали или на какое либо свойство извѣстнаго исторического лица, прежде всего обратившее на себя вниманіе современниковъ, или на фактъ, озшаменовавшій жизнь этого лица. Для примѣра мы можемъ указать имена наиболѣе замѣчательныхъ въ библейской исторіи лицъ, каковы напр. Адамъ, Ева, Каинъ, Авель, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Исавъ, Іосифъ, Моисей, Хусарсаѳанъ, Іеруббаалъ, Самуилъ и множество другихъ. Такой же рельефностью отличались собственныя имена многихъ мѣстностей, городовъ и проч., изъ которыхъ для примѣра можно указать на слѣдующія: Вавилонъ, Веѳиль, Галаадъ, Мерра, Елимъ, Галлаль, Киріаѳ-Сеферъ, Киріаѳ-Арбы, Бахимъ Ваалъ-Ермонъ, Іегова Шаломъ, Пальма Деворина, горы Орива и Зива, дубъ Сихемскій, Рамаѳ-Лехи, Ебенъ-Азеръ и множество другихъ. Всѣ подобныя имена своимъ значеніемъ весьма ясно воспроизводили въ сознаніи евреевъ преданіе о тѣхъ историческихъ фактахъ, которые дали поводъ къ названіямъ. Такое значеніе еврейскихъ собственныхъ именъ, какъ исторического памятника давно сознавалось учеными. Еще Филонъ занимался еврейскими собственными именами и составилъ ихъ лексиконъ. Послѣ него замѣчательны въ этомъ отношеніи труды Оригена и Іеронима. Въ настоящее время собственныя имена внесены въ еврейскіе словари (см. Гезеніуса, Фюрста, Штейнберга). А Нестле написалъ даже цѣлое изслѣдованіе по этому предмету (*Die Israelit. Eigennamen nach ihrer Religionsgeschichtlichen Bedeutung*). Въ русской литературѣ замѣчательны изслѣдованія Рабиновича (Новороссійскій литературный сборникъ: о собственныхъ именахъ евреевъ) и Малицкаго (Собственные имена

у древнихъ евреевъ и ихъ религіозное значеніе, Христ. Чтеніе 1882 г.).

Пословицы, притчи, пѣсни, молитвы и рѣчи знаменитыхъ въ исторіи лицъ, передававшіяся изъ рода въ родъ, служили также постоянной апперцепціей для воспоминанія о прошедшемъ. Священная еврейская литература содержитъ множество историческихъ изречений. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Къ таковымъ можно отнести присловіе Самсона: „изъ ядущаго выпло ядомое, а изъ сильнаго сладкое“, и отвѣтъ на него: „Что сладче меда и сильнѣ льва“; пословицу Зевея и Цалмана, сказанную Гедеону: „По мужу и сила его“; изреченіе Гедеона: „Не лучше ли послѣдніе грозды Ефремовы, нежели виноградъ авіезоровъ“; „Еда и Сауль во пропоѣхъ“; изреченіе Самуила: „Послушаніе наче жертвы“ и множество другихъ. Кромѣ такихъ изречений, имѣвшихъ исторической смыслъ и своимъ значеніемъ указывавшихъ на то или иное историческое лицо или событие, въ священной еврейской письменности сохранилось множество изречений съ общимъ нравственнымъ содержаниемъ. Каждое изъ таковыхъ въ сознаніи древнихъ евреевъ усвоялось тому или иному историческому лицу, прославившемуся своею мудростью. Аналогичный этому фактъ сохраненія нравственныхъ сен-тенцій въ народномъ сознаніи можно видѣть въ исторіи арабской письменности, гдѣ множество нравственныхъ изречений и стиховъ, приписывавшихся Магомету, долгое время хранились въ памяти арабовъ, пока не были записаны въ алкоранѣ. Вообще для семита нѣть ничего пріятнѣе краткаго и остроумнаго изреченія, въ легкой формѣ выражавшаго дѣльную мысль. При этомъ мудрость у евреевъ и арабовъ понималась и понимается какъ проникновеніе въ смыслъ нравственныхъ отношеній въ жизни человѣка. Всѣдѣствіе чего знаніе краткихъ нравственныхъ изречений въ возможно большемъ количествѣ считалось признакомъ мудраго и умнаго человѣка, какъ въ современномъ обществѣ — знаніе математическихъ и естествонаучныхъ законовъ. Неудивительно поэтому, если богатая еврейская память сохранила большую массу подобныхъ изречений и сен-

тенцій. Но вмѣстѣ съ сохраненіемъ таковыхъ она также сохра-
няла преданія о лицахъ, бывшихъ виновниками таковыхъ изрече-
ній,—тѣхъ историческихъ условіяхъ и отношеніяхъ, которыхъ дали
материалъ или поводъ для известнаго изреченія.

Изъ всѣхъ словесныхъ произведеній, вращающихся въ жизни народа, едва ли не самыи ясныи отраженіемъ народной жизни и исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не самой прочной аппер-
цепціей для сохраненія историческихъ преданій служатъ пѣсни. Въ нихъ, какъ въ чистомъ и правильномъ зеркаль, отражается вся народная жизнь, со всѣми запросами и содержаніемъ. Изливаясь изъ самой глубины народнаго сердца, онъ отражаютъ въ себѣ мельчайшии изгибы его. Самая форма пѣсни („изъ пѣсни слова не выкинешь“) сохраняетъ ее, а вмѣстѣ съ ней историческіе факты, составляющіе ея содержаніе, отъ искаженія. Соединеніе же пѣсни съ пѣніемъ способствуетъ наибольшему распространенію ея въ на-
родной массѣ. Здѣсь, вѣроятно, кроется причина того явленія, почему изъ произведеній народной литературы въ наибольшемъ количествѣ сохраняются пѣсни. Удовлетворяя потребности человѣче-
каго сердца, ищущаго въ известные моменты выхода для напол-
няющаго его волненія, пѣсни, какъ видно изъ сказанного, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ поэтической хроникой всѣхъ переживаемыхъ из-
вестнымъ народомъ событій. Онъ-то именно связываютъ молодое поколѣніе, съ охотой распѣвающее ихъ, съ прежними поколѣніями,
и, напоминая о подвигахъ древнихъ, располагаютъ къ подвигамъ новымъ. У евреевъ пѣсни составляли существенную часть ихъ ли-
тературы. Имѣя восточную натуру, отзывающуюся на всякое со-
бѣтіе въ жизни и исторіи, они составили большое количество пѣ-
сенъ различнаго содержанія. Большая часть ихъ выражаютъ чув-
ства души, глубоко вѣрюющей въ Бога: то въ нихъ слышится по-
каянное смиреніе, то радость спасенія, то просьба о помилованіи отъ несчастія или скорби, то наконецъ поэтическій восторгъ отъ созерцанія величія и милости Господа и святаго закона Его. Но есть не мало пѣсней, имѣющихъ своимъ предметомъ известныя

историческихъ событий или отношений между ними, каковы: пѣсни Маріамъ, Моисея, Деворы, Анны, матери Самуиловой, пѣснь пр. Аввакума, Іоны, некоторые исалмы Давида и пр. Распрѣвавшіяся евреями, такія пѣсни служили эхомъ отдаленныхъ событийъ еврейской истории и не давали изгладиться образамъ ихъ изъ народнаго сознанія.

Иной разрядъ ашерценцій, служившихъ къ сохраненію преданія у евреевъ, составляютъ внѣшніе памятники. Всякое событие совершается въ известной мѣстности, при известной обстановкѣ и всегда оставляетъ послѣ себя видимый следъ. Иногда сами виновники или очевидцы событий дѣлаютъ тотъ или иной внѣшній знакъ для воспоминанія о совершившемся: ставятъ памятники, жертвенники, храмы, дѣлаютъ замѣтки на камняхъ, деревѣ и проч. Археологи находять на востокѣ множество остатковъ такихъ памятниковъ, которые весьма живо свидѣтельствуютъ о культурномъ развитіи народовъ востока. По памятникамъ Египта и Ассиріи воспроизвели исторію этихъ странъ, ихъ науку, языкъ и жизнь. Подобные же остатки древнихъ памятниковъ находили и въ Палестинѣ, хотя въ сравнительно небольшомъ количествѣ. Пронесшіеся надъ этой страной исторические ураганы истребили большую часть памятниковъ древне-еврейской жизни и коснулись даже до нѣкоторой степени самого физического характера страны. Но есть прочные основанія предполагать, что въ то время, когда жили авторы священныхъ еврейскихъ книгъ, предъ ними были на лицо большая часть вещественныхъ памятниковъ, и они наглядно могли воспроизводить еврейскую исторію по этимъ памятникамъ. Такъ довольно долго сохранялись: камни, положенные при І. Навинѣ въ память чудеснаго перехода черезъ Йорданъ, камень, положенный І. Навиномъ въ Сихемѣ, въ память торжественной клятвы народа передъ Геговой, жертвенникъ, построенный Гедеономъ, остатки идоловъ, которые въ такомъ обилии иногда поставлялись евреями, тѣ священные принадлежности, которыхъ входили въ составъ культа данитянъ, тотъ камень, который былъ поставленъ въ память ио-

бѣды Самуила надъ филистимлянами и множество другихъ. Скинія, а впослѣдствіи храмъ, своимъ существованіемъ и принадлежностями были нагляднымъ символомъ знаменательныхъ событій древне-еврейской исторіи, очень ясно и подробно напоминали евреямъ о чудныхъ дѣлахъ Іеговы, заключившаго завѣтъ свой съ народомъ израильскимъ. Наконецъ географическія мѣстности Палестины и смежныхъ странъ были для еврейскихъ историковъ постоянными свидѣтелями историческихъ событій. Мертвое море и соляной столбъ жены Лотовой всегда напоминали страшную исторію Содома, Гоморры, Адмы и Севоима. Холмъ галаадскій напоминаль евреямъ о завѣтѣ ихъ ираотца съ своимъ тестемъ Лаваномъ. Спускаясь съ сѣвера къ югу Палестины, на каждомъ шагу еврей встрѣчалъ мѣста, города и села, напоминавшіе ему о прошломъ. На сажень сѣверѣ городъ Данъ, гдѣ были поставлены данитянами идолы. На западѣ, близъ великаго моря, Тиръ и Сидонъ, города ханаанеевъ, богатые не только торговлею, но также историческими воспоминаніями. Путь изъ сѣверной части Палестины въ среднюю шель по знаменитой долинѣ Ездрелонской, проходя которую каждый еврей невольно вспоминаль и битву съ ханаанеями при Деворѣ, и позднѣе битву Нехао, гдѣ погибъ Іосія. На лѣво отъ Ездрелонской долины тянулся хребетъ Гелвийскихъ горъ, съ которыми связывалось воспоминаніе о побѣдѣ Гедеона и смерти славныхъ ратниковъ Израиля—Саула и Іонафана. На право былъ мрачный Карміль, съ именемъ котораго соединялась память о грозномъ обличителѣ Ахава и Іезавели и ревнителѣ завѣта Іеговы, Иліи. Шель еврей далѣе къ югу, онъ встрѣчалъ на своемъ пути Сихемъ, Силомъ, Офру, мѣста, памятныя въ исторіи Іакова, І. Навина, Деворы, Гедеона и Авимелеха. Еще южнѣе были Веэиль и Рама, при видѣ которыхъ невольно припоминалась исторія видѣнія лѣстницы Іаковомъ и смерть его жены. Наконецъ еврей приближался къ Іерусалиму, гдѣ каждое мѣсто было полно историческихъ воспоминаній. Южнѣе былъ Хевронъ, горы и пещеры Іудини, въ ущельяхъ которыхъ когда-то скрывался Давидъ. Къ югу отъ этихъ торъ

простиралась пустыня Фаранъ, и за ней Синайскій полуостровъ съ своими присночамятными въ еврейской исторіи горами и долинами. Встрѣчая всюду памятники своего прошлаго, еврей не могъ забыть етескихъ преданій о немъ, тѣмъ болѣе, что самая жизнь, различная пѣсни, пословицы и разсказы старыхъ лицъ часто заставляли вспоминать о старомъ времени и чудныхъ дѣлахъ Божіихъ. При такихъ условіяхъ сохраненія въ народномъ сознаніи и жизни, священное преданіе у евреевъ было обезоцашено отъ искаженія и утраты. Но весьма рано для охраны этого преданія явилось на помощь культурное средство, которому обязаны своимъ распространениемъ всѣ великия идеи, именно письменность. Здѣсь нѣть нужды говорить о первоначальномъ возникновеніи и развитіи письма. Большинство ученыхъ указываетъ на Египетъ, какъ на страну, гдѣ дана была идея звукового письма приблизительно тысячи за три лѣтъ до Р. Христова, когда на ряду съ іероглифическимъ письмомъ здѣсь явилось также іеротическое, въ которомъ вмѣстѣ съ іероглифами употреблялись и фонетические знаки (см. Riehm, Biblisches Handwörterbuch, Artik. Schrift). Но еврей, какъ видно изъ исторіи Іуды, сына Іакова, имѣвшаго печать, на которой была вырѣзана какая либо эмблема (Быт. XXXVIII, 18, 25), были знакомы съ письмомъ раньше поселенія въ Египтѣ. Больше чѣмъ вѣроятно, что они искусство письма заимствовали отъ хеттеевъ, среди которыхъ поселились шатрапхи. Хеттейское же это искусство было известно въ самой глубокой древности и они передали его народамъ малоазійскимъ и въ частности троянцамъ, что доказывается сходствомъ письма на троянскихъ сосудахъ, откопанныхъ Шлиманомъ, съ курсивомъ хеттейского письма на хеттейскихъ надписяхъ (Нам. Die Vors. Kult. 191 — 192). Послѣ поселенія евреевъ въ Египтѣ, искусство письма у нихъ должно было достигнуть болѣе высокой ступени развитія. Печати въ родѣ Іудовой въ это время были уже обыкновеннымъ явлениемъ (Исх. XXXIX, 30). Кромѣ печатей, упоминается также о существованіи какихъ-то нарѣзовъ и символическихъ письмечъ (Лев. XIX,

19, 28), въроятно, похожихъ на египетскіе іероглифи. Очень можетъ быть, что еще до Моисея у евреевъ явились нѣкоторыя родословныя таблицы, которая потомъ вошли въ составъ Пято-книжія и 1 Паралипоменонъ, а также записи нѣкоторыхъ изречений и пѣсней изъ времени патріарховъ ¹⁾ или даже цѣлыхъ книги, какъ книга „браней Господнихъ“. Во всякомъ случаѣ, Моисей нашелъ уже готовые письменные знаки и, въроятно, лишь обработалъ употребленіе ихъ на манеръ египетскаго письма ²⁾. Во время Моисея письмо уже было въ довольно широкомъ употребленіи среди евреевъ ³⁾). О немъ самомъ говорится, что онъ написалъ цѣлую книгу закона ⁴⁾ и описалъ всѣ станы сыновъ израилевыхъ ⁵⁾). При немъ уже были такъ называемые шотеримы, на обязанности которыхъ лежало вести народную перепись ⁶⁾). Послѣ Моисея это искусство не могло исчезнуть. Границы удѣловъ земли обѣтованной, послѣ раздѣленія ея, были записаны въ особую книгу, которая впослѣдствіи вошла въ составъ книги I. Навина ⁷⁾). Самъ I. Навинъ вписалъ свои завѣщанія въ особую книгу закона Божія ⁸⁾). Нужно имѣть въ виду также и то, что евреи, занявши

¹⁾ Быт. IV, 23—24, 9—10, а м. быть и XLIX.

²⁾ Названія всѣхъ еврейскихъ буквъ семитическія. Слова כְּרָבъ писать, סְפִירָה книга, יְנִיחָה чернила, וְעַתָּה писчая трость, הַרְמָה изображать — еврейскаго происходженія.

³⁾ Числъ V, 23. Исх. XXXIX, 30, XXXIV, 28.

⁴⁾ Исх. XXIV, 4. 7; ср. Втор. XXXI, 9.

⁵⁾ Числ. XXXIII, 2.

⁶⁾ מִרְאֵשׁ у LXX γραμματεῖς или γραμματοῦσαγούεῖς. Значеніе этого еврейскаго слова, какъ слѣдуетъ, не опредѣлено. Фюрстъ, Эвальдъ и Дильтманъ склоняются переводить его «надзиратели»; сопоставляя съ арабскимъ сатара. Но Гезеніусъ, Леви, Фрейтагъ, а особенно Гангстенбергъ и Заальшитцъ переводятъ словомъ «писецъ». Противъ этого, повидимому говорить употребление въ значеніи «писца» סְפִירָה, такъ что סְפִירָה и מִרְאֵשׁ иногда даже разграничаются (2 Пар. XXXIV, 13). Но допуская и это различіе, слѣдуетъ приписать умѣніе писать и шотерамъ, исполнявшимъ полицейскія обязанности счетчиковъ, почему они и называются у 70 писцами.

⁷⁾ I. Нав. XVIII, 6.

⁸⁾ I. Нав. XXIV, 26.

Палестину, нашли здѣсь культуру на значительной ступени разви-
тия, какъ это видно изъ книги I. Навина, Судей и внѣбіблей-
скихъ археологическихъ изысканій ¹⁾). Искусство читать и писать
было въ это время уже хорошо извѣстно ханаанскимъ народамъ,
какъ можно обѣ этомъ заключать изъ названія нѣкоторыхъ завое-
ванныхъ евреями ханаанскихъ городовъ ²⁾), такъ что сношенія съ
ханаанеями еще болѣе способствовали развитію среди евреевъ пись-
менности, и она, повидимому, не составляла какого либо необык-
новенного явленія, какъ показываетъ примѣръ сохоескаго юноши,
котораго Гедеонъ заставилъ переписать имена старѣйшинъ Сохоеа
(Суд. VIII, 14). Искусствомъ писать отличались потомки Іоѳора,
кинеи, которые поэтому и называются въ книгѣ Паралиноменонъ
писцами (1 Пар. II, 55). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ,
что при такомъ состояніи письменного искусства у евреевъ появил-
ись письменныя записи о герояхъ изъ переживаемой эпохи, на
что намекъ отчасти можно видѣть въ пѣсни Деворы (Суд. V, 14).
Примѣры такихъ записей были поданы евреямъ еще Моусеемъ и
I. Навиномъ. Такія записи едва ли имѣли форму историческихъ
разсказовъ, а, вѣроятно, были похожи на тѣ историческія и хро-
нологическія замѣтки, которая въ большомъ количествѣ дошли до
нашего времени отъ ассирийцевъ, въ родѣ храмовыхъ тарифовъ,
родословныхъ таблицъ, замѣтокъ о походахъ и добычѣ царей, но
которая тѣмъ не менѣе составили важный историческій материалъ
для послѣдующаго времени. Съ основаниемъ пророческихъ школъ
при Самуилѣ, такія записи велись уже болѣе регулярно. Писцы
изъ этихъ школъ воспользовались прежними записями и замѣтками,
стали соединять ихъ, и малопомалу получились отдѣльные хро-
ники и историческіе рассказы. Само собой разумѣется, что все это
было очень просто, безъ всякой тенденціозности, и было объек-
тивно вѣрнымъ отраженіемъ описываемыхъ лицъ и событий. Эти-то

¹⁾ Lenor. Essai sur la propag. de l'alph. phoenic. I, 100. Schröder, Die Phönizier. 8.

²⁾ I. Нав. XV. 15, 54; Суд. I, 10.

записи, вмѣстѣ съ твердо хранившимся устнымъ преданіемъ, и легли въ основу историческихъ книгъ. Писателями такихъ книгъ, какъ можно судить по 1 Пар. XXIX, 29, были пророки и ученики пророческихъ школъ, гдѣ между другими предметами обученія было также чтеніе и письмо. Во время Давида и Соломона, вмѣстѣ съ разцвѣтомъ еврейской жизни, процвѣтаетъ и письмо. Давидъ самъ хорошо умѣлъ писать (2 Цар. XI, 14—15). Владѣльцъ этимъ искусствомъ и Соломонъ, превзошедшій всѣхъ людей своею мудростю (2 Пар. II, 11). По смерти Давида явились писцы его дѣлъ и исалмовъ (1 Пар. XXIX, 29; 2 Пар. XXIX, 30). Точно также по смерти Соломона его дѣла были записаны въ особой книгѣ (2 Ц. XI, 41). Послѣ раздѣленія царствъ письменность не могла исчезнуть среди евреевъ, какъ это показываютъ историческія свидѣтельства о пророкахъ (Исх. VIII, 1; Іер. XXIX, 1—XXX, 2; Іез. II, 10) и памятникъ Мѣши, царя Моавіи, смежной съ Іудеей, относимый къ VIII вѣку до Р. Хр. Въ это время уже было множество историческихъ хроникъ, большая часть которыхъ не дошла до насть, но которые легли въ основу книгъ Царствъ и Паралиноменонъ (ср. 2 Ц. XI, 41; 2 Пар. XXXII, 32 и др.; 2 Пар. XII, 15). Плѣнъ вавилонскій побудилъ евреевъ къ раскаянію и заставилъ взяться за изученіе своего закона. Поэтому послѣ плены просвѣщеніе значительно поднимается въ народѣ, законъ начинаетъ изучаться не только священниками и левитами, но и простымъ народомъ. Первосвященникъ Ездра, „книжникъ и свѣдущій въ законѣ Моузеевомъ“ (Ездр. VII, 6), хорошо владѣвшій искусствомъ письма (ib. II), заботился объ обученіи народа и составленіи священныхъ книгъ. Заботы его имѣли столь важное значеніе, что позднѣйшее преданіе ему одному присвоило написаніе священныхъ книгъ (3 Ездр. XIV, 21—47). Здесь было бы не място говорить объ образованіи канона священныхъ книгъ. Наша цѣль—показать, что священное преданіе у евреевъ охранялось отъ поврежденія и утраты, помимо другихъ условій, также примѣненіемъ письменного искусства,

которое явилось у евреевъ очень рано и послѣ своего появленія никогда не оскудѣвало, напротивъ, развивалось среди нихъ, такъ что преданіе письмени разныхъ событій съиздревле примѣнялось у евреевъ. Являвшіяся записи, правда, были просты, но за то также правдивы и безтенденціозны. Онѣ содержали въ себѣ вѣрное изображеніе лицъ и фактовъ еврейской исторіи. Онѣ-то своимъ содержаніемъ легли въ основу историческихъ книгъ. Какъ видно изъ предыдущаго, записанное здѣсь священное преданіе должно было воспроизводить чистую истину: какое либо самое незначительное искаженіе послѣдней должно было встрѣтить противъ себя протестъ со стороны всего народа, хранителя преданія.—Отрицая возможность неизрѣвльного искаженія преданія, охранявшагося общенароднымъ сознаніемъ, мы тѣмъ болѣе не можемъ допустить искаженія произвольного, намѣренного,—предположить со стороны еврейскихъ историковъ какую либо подтасовку фактовъ или подстановку лицъ. Такая подтасовка была психологически невозможна для еврейскихъ историковъ, которые такъ просты. Весь ихъ разсказъ есть продуктъ памяти, воспроизведеніе историческихъ фактовъ не по законамъ подобія, а смежности и современности. Нужно замѣтить, что на послѣднюю психологическую особенность евреевъ и въ частности еврейскихъ писателей критики ветхозавѣтныхъ книгъ обращали весьма мало вниманія, а между тѣмъ этотъ фактъ въ данномъ случаѣ важный. Подтасовка фактовъ и лицъ возможна лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ найдено сходство между ними и когда ассоціація ихъ въ мысли писателя совершается по закону сходства. Такая подтасовка возможна для современного ученаго, въ математикѣ ознакомившагося съ началомъ подстановки и тождества и всюду отыскивающаго таковое. Но она была невозможна для древнихъ писателей еврейскихъ. Древніе евреи, какъ справедливо замѣчаетъ Ренанъ, были плохіе философы. Ихъ мысль совершилась преимущественно по законамъ временной и пространственной ассоціаціи представленій. Ихъ разсказъ есть передача фактовъ въ послѣдовательномъ порядкѣ безъ подведенія подъ какіе либо за-

коны и обобщенія. Поэтому если можно говорить о какихъ либо недостаткахъ въ Библії съ современной литературной точки зре-нія, то развѣ обусловливаемыхъ именно этой особенностью евреевъ, по которой нѣсколько законовъ и постановлений, хотя бы проис-шедшихъ въ разное время, ставятся въ одномъ мѣстѣ книги един-ственno для удобства воспроизведенія въ памяти, точно также по-становленія, касающіяся одного предмета и одного содержанія, из-лагаются отдельно: мысль евреевъ не выработала изъ нихъ одногомъ общаго закона. При такомъ свойствѣ ума евреевъ, у нихъ не мо-гла выработать философія исторіи, а по сому не могло явиться и сознательного искаженія или подтасовки историческихъ фактovъ и лицъ¹⁾). Что то похожее на философію исторіи у евреевъ является уже послѣ того, какъ они ознакомились съ греческой образован-ностью и философіей, не раньше времени Абенъ-Езы и Маймо-нида, послѣ чего у нихъ стали являться ученыя толкованія Библії и началась сортировка многочисленныхъ еврейскихъ преданій. Древнія же толкованія ихъ, какъ мишна, талмудъ, мидраши служать яснымъ отраженіемъ указанной аналитичности ума евреевъ и страдаютъ недостаткомъ синтеза. Обращая вниманіе на эту пси-хологическую особенность евреевъ, мы не въправѣ предполагать какую либо тенденціозность въ древне-историческихъ памятникахъ священной еврейской литературы. Историческія книги евреевъ ци-сались совсѣмъ не такъ, какъ пишутся нѣкоторыя историческія сочиненія въ наше время, особенно у нѣмцевъ. Въ основѣ ихъ непремѣнно лежитъ какая либо идея или общее представление о данной эпохѣ. Согласно этой идеѣ группируются и освѣщаются са-мые исторические факты. При этомъ гораздо больше усердія при-лагается къ послѣдовательному проведенію идеи, чѣмъ къ точной и полной передачѣ фактovъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ угоду об-

¹⁾ Дѣйствительно въ литературѣ, написанной евреями, есть много подлож-ныхъ сочиненій, но они появились уже въ позднѣйшій періодъ еврейской ли-тературы и написаны евреями эллинистами, которые, можетъ быть, замѣстив-вали такой образъ составленія книгъ отъ грековъ.

щей мысли иногда совсѣмъ игнорируются или искажаются. Въ еврейскихъ историческихъ книгахъ видимъ совсѣмъ иное. Здѣсь факты и преданія группируются не по идеямъ, а по лицамъ. Извѣстныя историческія личности представляютъ собой какъ бы центры, около которыхъ группируются извѣстные факты и преданія. При этомъ не обращается особенного вниманія, будуть ли эти факты и преданія соотвѣтствовать какой либо общей идеѣ, или нѣть: факты такъ и передаются фактами. И чѣмъ важнѣе извѣстное лицо въ исторіи, тѣмъ больше собирается касающихся его фактовъ. Съ именемъ извѣстныхъ лицъ связывались воспоминанія о различныхъ событіяхъ, рассказы о которыхъ собраны и сконцентрированы около этихъ лицъ. Съ другой стороны изъ этой же психологической особенности евреевъ объясняется и тотъ фактъ, почему въ священныхъ книгахъ не ведется послѣдовательной хронологіи, что въ настоящее время считается необходимымъ условиемъ исторической хроники. Если современный ученый историкъ, излагая историческія событія, старается представить ихъ въ правильной перспективѣ, такъ что на историческомъ фонѣ можно ясно отличить событія ближайшія и дальнѣйшія относительно насть: то не такъ рисовали свое историческое прошлое еврейские писатели. Въ ихъ изображеній не соблюдается законъ перспективы. Исторические образы ставятся рядомъ одинъ подлѣ другого, при чемъ не отгѣняются тѣ большиe промежутки, которые отдѣляютъ ихъ въ дѣйствительномъ историческомъ бытіи. Въ этой картинѣ наиболѣе отчетливыми образами являются не тѣ событія или лица, которые стоять ближе къ автору, а тѣ, которые въ исторической жизни народа играли наибольшую роль. Въ этомъ отношеніи историческія хроники еврейскихъ и другихъ семитическихъ писателей напоминаютъ живопись древнихъ семитовъ, которая, несмотря на изящество и тщательность своей отдѣлки, имѣеть тотъ главный недостатокъ, который ставить ее гораздо ниже живописи современной, что въ ней отсутствуетъ сохраненіе перспективы въ изображеніи предметовъ. Рисуя картину прошлаго, еврейскій историкъ

не старался ставить историческихъ лицъ въ тѣхъ позахъ, кото-
рыя требовались симметріей картины, а старался ставить и изоб-
ражать ихъ такъ, какъ того требовало сознаніе ихъ исторической
важности. Самыя событія при этомъ располагались какъ бы от-
дельными замкнутыми кругами, изъ которыхъ у каждого есть осо-
бый центръ,—какая либо наиболѣе выдающаяся историческая лич-
ность. При такомъ характерѣ еврейскихъ историческихъ хроникъ,
неудивительно, если въ нихъ нѣкоторые періоды прошлаго какъ
бы совершенно исчезаютъ на историческомъ фонѣ и времѧсчисленіе
событій ведется часто по родамъ, а не по вѣкамъ.

Изъ сказанного нами становится отчасти понятнымъ, почему
Промыслу Божію угодно было Ѵзбрать для сохраненія откровенія
именно народъ еврейскій, почему именно ему ввѣренна быша сло-
еса Божіи (Рим. III, 2): сознаніе этого народа было весьма яс-
нымъ зеркаломъ для отраженія образовъ, открываемыхъ Духомъ
Божіимъ, а ихъ память, жизнь и исторія были надежными хра-
нителями этихъ воспріятій. Съ другой стороны становится понят-
нымъ, почему добросовѣстный историкъ, хотя бы даже знакомый
съ приемами современного скептицизма, необходимо вызывается къ
признанію исторической достовѣрности содержанія священныхъ книгъ
во имя законовъ общеисторической критики.

Іванъ Троицкій

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки